

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44
К 76

Перевод с португальского *Александра Богдановского*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*
(Серия «Лучшее от Пауло Коэльо»)
и *Екатерины Ферез*
(Серия «Эксклюзивная классика»)

Коэльо, Пауло.

К76 Пятая гора : [роман] / Пауло Коэльо ; [пер. с португ. А. Богдановского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-17-088100-0 (Лучшее от Пауло Коэльо).
ISBN 978-5-17-111761-0 (Эксклюзивная классика).

В девятом веке до н.э. финикийская принцесса Иезавель приказала казнить всех пророков, отказывающихся поклониться языческому божеству Ваалу. Илия бежит из Израиля в город Сарепту, где неожиданно находит свою любовь. Но вскоре все надежды и мечты рассеиваются как дым и Илию вновь затягивает водоворот событий, угрожающих его жизни.

«Пятая гора» — это волнующая история избранника Божьего, которому надлежит пронести свою веру через самые страшные испытания.

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44

Книга издана с разрешения
Sant Jordi Associados, Barcelona, SPAIN
Originally published as *O Monte Cinco* by Paulo Coelho

www.paulocoelho.com
www.paulocoelhoblog.com

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Copyright © 1996 by Paulo Coelho
© Богдановский А., перевод, 2008
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается А. М., воину Света,
и Мауро Саллешу*

Предисловие автора

Главная мысль моей книги «Алхимик» заключена во фразе, которую, обращаясь к пастуху Сантьяго, произносит царь Мелхиседек: «Когда чего-нибудь желаешь очень сильно, вся Вселенная помогает тебе этого достигнуть».

Я верю в это всем сердцем. Между тем прожить жизнь и добиться воплощения своей судьбы означает пройти целый ряд этапов, смысл которых нередко недоступен нашему пониманию. Цель этих этапов — каждый раз возвращать нас на путь нашей Судьбы или же преподнести нам уроки, которые помогают осуществить свое предназначение. Думаю, что смогу лучше проиллюстрировать эти слова, рассказав один эпизод из своей жизни.

12 августа 1979 года я лег спать, зная в точности одно: к тридцати годам я достиг пика своей карьеры. Я работал художественным директором студии CBS в

Пауло Коэльо

Бразилии. Некоторое время назад меня пригласили в США на встречу с владельцами компании, занимающейся звукозаписью. Я был уверен, что мне предоставят полную свободу для осуществления всех моих планов. Конечно, моя заветная мечта — стать писателем — отодвигалась в сторону, но какое это имеет значение? В конце концов, реальная жизнь совсем не похожа на ту, какой я ее себе представлял. В Бразилии нельзя прожить, занимаясь только литературой.

В ту ночь я окончательно решил отказаться от своей мечты — нужно было так или иначе приспособиться к жизни. Если моя душа будет противиться этому, я попытаюсь схитрить: время от времени буду сочинять слова к музыке или писать статейки для какой-нибудь газеты. В остальном же, я был убежден, что, хотя моя жизнь пошла по другому пути, она не стала менее интересной и в мире музыки меня ожидало блестящее будущее.

Как только я проснулся, раздался телефонный звонок: это был президент компании. Из его слов стало ясно, что меня только что уволили без всяких объяснений. В течение последующих двух лет я стучался в разные двери, но так и не смог получить работу в этой области.

Завершая работу над «Пятой горой», я вспомнил и этот случай, и другие проявления неизбежного в моей жизни. Всякий раз, когда мне казалось, будто я достиг вершины, что-нибудь случалось — и я летел вниз. Я спрашивал себя: почему так происходит? Неужели я осужден вечно приближаться к заветной черте, но никогда не достичь ее? Неужели Бог так жесток, что посы-

Пятая гора

дает мне мираж — оазис на горизонте — только лишь для того, чтобы я умер от жажды посреди пустыни?

Мне понадобилось много времени, дабы понять, что это не так. Одни события происходят в нашей жизни для того, чтобы вернуть нас на истинный путь Судьбы. Другие нужны для того, чтобы мы применили в жизни свои познания. А некоторые события призваны научить нас.

В книге «Паломничество» я хотел показать, что эти уроки не всегда связаны с болью и страданием. Достаточно отнестись к ним серьезно и внимательно. Понимание этого стало истинным благословением на моем жизненном пути. Но я так и не смог до конца понять смысл некоторых событий моей жизни, хотя был достаточно собранным и внимательным.

Случай, описанный выше, можно считать одним из таких примеров. Я был настоящим профессионалом, вкладывал в работу всю свою душу. Некоторые свои идеи я до сих пор нахожу довольно удачными. Но неизбежное случилось именно в тот момент, когда я был спокоен и уверен в себе как никогда. Думаю, многие люди пережили нечто подобное. Неизбежное коснулось жизни каждого человека на Земле. Одни выстояли, другие отступились, но каждый пережил свою трагедию.

Зачем? Чтобы ответить себе на этот вопрос, я отправился вместе с Илией в Акбар.

Пауло Козльо

*И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк
не принимается в своем отечестве.
Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни
Илии, когда заключено было небо три года
и шесть месяцев, так что сделался большой голод
по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия,
а только ко вдове в Сарепту Сидонскую.*

Евангелие от Луки 4: 24–26

Пролог

К началу 870 года до н. э. государство, называвшееся Финикией — израильтяне же именовали его Ливаном, — уже почти три столетия не знало войн. И жители его по праву гордились своими свершениями: страна их, не обладая политическим могуществом, волей-неволей должна была развить в себе завидную способность договариваться и ладить с соседями, ибо только это могло стать залогом выживания в мире, раздираемом постоянными войнами. Союз, заключенный около 1000 года до н. э. с израильским царем Соломоном, позволил построить самый современ-

Пятая гора

ный по тем временам флот и развивать торговлю. С той поры Финикия неуклонно расцветала и богатела.

Ее корабельщики добирались уже до таких отдаленных мест, как Испания, плавали в Атлантике, и есть предположения — правда, не подтвержденные, — что это они оставили надписи, сохранившиеся на юге и северо-востоке Бразилии. Они перевозили стекло, древесину кедра, оружие, железо, слоновую кость. Жители крупных городов Тира, Сидона и Библоса знали математику, умели производить астрономические вычисления, владели секретами виноделия и уже двести лет писали с помощью некоего набора условных значков, который греки называли *алфавитом*.

В начале 870 года до Рождества Христова в городе Ниневия собрался военный совет. Ассирийские полководцы решили двинуть свои войска на покорение стран, расположенных вдоль средиземноморского побережья. И первой жертвой завоевателей избрана была Финикия.

В начале 870 года до Рождества Христова в конюшне на окраине города Галаада, с минуты на минуту ожидая неизбежной смерти, прятались двое.

Часть первая

— Я служил Господу моему, а Он предал меня в руки врагов моих, — сказал Илия.

— Бог есть Бог, — отвечал левит. — Он ведь не говорил Моисею, плох Он или хорош, но сказал всего лишь: «Я есмь». Он — это все сущее под солнцем: и молния, разрушающая дом, и рука человеческая, этот дом восстанавливающая.

Они вели эту беседу лишь затем, чтобы отвлечься от снедавшего их страха: в любую минуту воины, распахнув двери конюшни, могли обнаружить этих двоих. Тогда им предстоял бы единственный выбор: либо поклониться Ваалу — верховному божеству финикийцев, — либо пойти на казнь. Воины обшаривали дом за домом, а найденных пророков обращали в свою веру или убивали.

Левит, возможно, выбрал бы первое, а для Илии выбора и вовсе не было: все это началось из-за него,

Пятая гора

и Иезавель во что бы то ни стало желала получить его голову.

— Ангел Господень повелел мне обратиться к царю Ахаву и предупредить его: не будет дождей в Израиле, покуда жители его не перестанут поклоняться Ваалу, — сказал Илия, словно извиняясь за то, что пришлось послушаться ангела. — Но Бог правду видит да не скоро скажет: к тому времени, когда начнут проявляться последствия засухи, Иезавель истребит всех, кто останется верным Господу.

Левит промолчал, размышляя, как поступить — поклониться ли Ваалу или умереть во имя Господа.

— Кто есть Бог? — продолжал Илия. — Не он ли рукою воина заносит меч над головами тех, кто не желает изменить вере предков? Не он ли возвел чужеземную царевну на престол израильский, так что все эти злосчастья постигли наше поколение? Не он ли истребляет правоверных, ни в чем не виноватых людей, которые следуют Моисееву закону?

А левит тем временем принял решение и выбрал для себя смерть. И рассмеялся, потому что мысль о смерти больше не страшила его. Обернулся к юному пророку, сидевшему рядом, и попытался успокоить его:

— Спроси у Господа, раз ты усомнился в мудрости его решений. Я уже готов принять свой удел.

— Не может Господь желать, чтобы нас безжалостно умертвили, — стоял на своем Илия.

— Господь может все. Если бы Он творил лишь то, что нам, скудоумным, представляется добром, то не был бы всемогущ и правил бы лишь частью Вселенной,

Пауло Коэльо

и, стало быть, существовал бы кто-то еще более сильный, и этот кто-то направлял бы Его действия и следил за ними. Что ж, в этом случае ему бы я и поклонялся.

— Но если наш Господь всемогущ, отчего не избавит от страданий тех, кто любит Его? Почему не спасет нас вместо того, чтобы вверить власть и славу врагам Своим?

— Понятия не имею, — ответил на это ему левит. — Но причина наверняка есть, и я надеюсь вскоре узнать ее.

— Значит, у тебя нет ответа на этот вопрос.

— Нет.

Они помолчали. Холодная испарина выступила на лбу Илии.

— Тебя мучает страх, — заметил левит, — а вот я примирился со своей участью. Я выйду и покончу с этими муками. Всякий раз, когда снаружи доносится крик, я терзаюсь мыслями о том, как будет, когда придет мой час. И покуда мы сидим в этом узилище, я умирал уже сто раз, а ведь мог бы умереть только однажды. Раз уж суждено мне быть обезглавленным, так пусть случится это поскорее.

Левит был прав. Илия слышал те же крики и, как ни крепок был духом, тоже испытывал страдание.

— Пойдем вместе. Перед смертью не надыхишься.

И он встал, и распахнул дверь, впустив солнечный свет в конюшню, где сидели двое.

* * *

Левит взял его за руку, повел за собой. Если бы не крики, то и дело раздававшиеся на улице, казалось

Пятая гора

бы, что дело происходило в ничем не примечательном городе и в самый обычный день — солнце припекало не слишком, а ветерок, налетая от далекого побережья, навевал прохладу. На пыльных улицах стояли глинобитные дома.

— Наши души готовы принять ужас смерти, а день такой славный, — промолвил левит. — А ведь часто бывало, что, когда я чувствовал себя в ладу с Богом и с миром, стоял ужасный зной, ветер из пустыни швырял мне в глаза песок, так что в двух шагах от себя я ничего не видел. Не всегда Его замысел согласуется с нашими чувствами, но одно я знаю твердо — на все это у Него есть причина.

— Меня восхищает крепость твоей веры.

Левит задумчиво поглядел на небо. Потом обернулся к Илии:

— Не восхищайся чрезмерно. Дело в том, что я сам с собой побился об заклад. Я утверждаю, что Бог — есть.

— Но ведь ты — пророк. Тебе дано слышать голоса, не внятные другим. Ты знаешь, что за пределами нашего мира существуют и другие миры.

— Может быть, все это — лишь плод моего воображения.

— Но ведь ты видишь знамения, — в тревоге возразил Илия и снова услышал в ответ:

— Может быть, все это — лишь плод моего воображения. На самом деле, у меня нет ничего действительного, кроме моего спора с самим собой. Я сказал себе, что все вокруг создано Всевышним.

Пауло Коэльо

* * *

На улице не было ни души. Затворясь в домах, люди ждали, когда воины Ахава исполнят поручение чужестранной царевны — истребить пророков Израиля. Илия, шагая рядом с левитом, чувствовал, что из-за каждой двери, из каждого окна за ним наблюдают чьи-то глаза, — и терзался своей виной за все происходящее.

— Но я ведь не просил сделать меня пророком, — размышлял он. — Быть может, и впрямь все это — не более чем игра воображения.

Но он помнил, что случилось в мастерской, и знал, что это не так.

* * *

Он с детства слышал голоса и разговаривал с ангелами. И пришла пора, когда родители отвели сына к израильскому первосвященнику, а тот, подробно расспросив мальчика, объявил его пророком, «человеком духа», который воспламеняется, услышав Божий глас.

И еще много времени протекло в беседах со священником, прежде чем тот сказал родителям Илиии: ко всему, что будет сказано им, надлежит отнестись серьезно.

А выйдя из этого дома, отец и мать попросили сына никогда и никому не рассказывать о том, что он видит или слышит, ибо пророк связан с властью, а это чревато опасностью.

Впрочем, Илия никогда и не слышал такого, что могло бы заинтересовать владык мирских и духов-

Пятая гора

ных. Он разговаривал только со своим ангелом-хранителем и получал от него наставления лишь о том, что касалось его собственной жизни. Иногда случались у него видения, смысл которых он постичь не мог, — виделись ему далекие моря, горы, населенные странными существами, колеса с глазами и крыльями. А когда видения исчезали, он, покорный воле родителей, старался забыть их как можно скорее.

И потому голоса и видения посещали его все реже. Отец и мать были довольны и больше не говорили об этом. Когда же пришло ему время жить своим трудом, дали Илии денег на плотницкую мастерскую.

* * *

С почтением глядел он на других пророков — они проходили иногда по улицам Галаада в одежде из звериных шкур, перетянутых кожаными поясами, и утверждали, что Господь призвал их, чтобы вести избранный народ. Илия понимал, что это — не его стезя: никогда не сможет он впасть в неистовство от безумной пляски или самобичевания, как неизменно случалось со всеми, кого «воспламенял Божий глас», ибо страшится боли. Никогда не пройдет по улицам, горделиво показывая рубцы и шрамы от ран, нанесенных себе в этом умопомрачении, ибо слишком робок для этого.

Илия считал себя самым обычным человеком, да так оно, наверно, и было: он и одевался как прочие, и терзал только душу свою — но теми же страхами и искушениями, что и простые смертные. Чем больше работал он в мастерской, тем реже слышались ему голо-